

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ.

Колонизація Заволочья и обрусѣніе заволоцкой чуди.

Какъ исчезла заволоцкая чуда?—Историческія указанія передвиженій къ сѣверо-востоку граничной черты между русскою и чудскою народностями.—Доказательство того, что туземцы не истреблены, а обрусѣли.—Отсутствие слѣдовъ въ бытѣ русскаго населенія.—Чистота вологодскаго нарѣчій; мѣсто, занимаемое имъ въ семьѣ русскихъ нарѣчій и другихъ славянскихъ языковъ; древнія историческія слова и выраженія: «гоуть» и «изгей», «уключина» и «ключъ» Олегова договора съ греками; «Тысяцкій—воевода».—Система фамильныхъ окончаній: официальныхъ—на «овъ», «евъ», «ивъ», «скій» и «скихъ», и неофициальныхъ—на «ичъ», «енокъ» и «енко».—Самобытное общеславянское словесное творчество: «скуинтина», «просудий».—Обычаи: ихъ древне-славянская чистота, свадебные обряды и пѣсни въ Янгосарской волости: ихъ поэтичность и древность; плесканье и баня; значеніе словъ: «Купало», «Манило» и «Ярило».—Свадьбы—«самохожки» (умыканье).—Вѣрованія: слѣды древне-славянскаго поклоненія геллу и свѣту: сварогъ сварганить и проч., почитаніе усопшихъ.—Общія замѣчанія о домахъ, пищѣ и одеждѣ.—Древній видъ земледѣльческаго сословія—половники и ихъ связь съ огнищанами.—Половники по закону и по обычаю.—Заключеніе: нравственная причина успѣшности новгородской колонизаціи.

Мы рассмотрѣли, какъ колонизовалась Вологодская губернія, теперь намъ представляется другой вопросъ: какимъ образомъ исчезло первобытное населеніе нынѣ русскихъ уѣздовъ ея? Было ли оно въ корень истреблено славянскими пришельцами, или слилось съ ними и образовало особый этнографическій типъ?

На первый вопросъ я отвѣчаю отрицательно. Хотя мнѣ извѣстны нѣкоторыя преданія въ окрестностяхъ города Никольска и въ Вельскомъ уѣздѣ объ истребленіи чуди въ ихъ землянкахъ посредствомъ дыма; но такимъ порядкомъ туземцы не могли быть совершенно истреблены: народъ неосѣдлый, звѣровольный, могъ укрываться и въ глуши лѣсовъ. Потомъ приведенное выше извѣстіе о запятіи Ваги Своеземцевымъ приводитъ къ убѣжденію, что чудскія земли захватывались новгородцами

хотя и насильственно, но иногда освящались формальными юридическими сдѣлками, безъ кровопролитія. Наконецъ, въ виду исторіи, всѣ русскіе уѣзды Вологодской губерніи, начиная съ Вологодскаго и Кадниковскаго, т. е., съ Кубенскаго озера, были заселены чудью: въ 1260 году мы находимъ Весь на сѣверовосточномъ берегу этого озера (Вологод. губ. вѣд. 1847 г. № 32 «О посѣщеніи Бѣлавинской пустыни, находящейся на Каменномъ островѣ Кубенскаго озера», П. П. Титова); въ 1315 г. чудское племя еще встрѣчается въ окрестностяхъ г. Вельска (см. ранѣе приведенную ссылку на поступную грамоту Азики, Ровды и проч. Своеземцеву); въ 1376 году при слияніи Вычегды съ Сѣверною Двиною (мое соч. «Зыряне и Зырянскій край»); нынѣ же граничная черта между двумя племенами отодвинулась за г. Яренскъ до с. Межогъ. т. е. около 200 верстъ вверхъ отъ устья Вычегды. Между тѣмъ за весь этотъ, болѣе, нежели 600-лѣтній, періодъ времени, мы не встрѣчаемъ ни одного извѣстія объ истребленіи чуди и потому думаемъ, что даже указанная выше преданія въ городахъ Никольскѣ и Вельскѣ, свидѣтельствующія о противномъ, содержатъ извѣстія о событіяхъ, имѣвшихъ случайное, мѣстное значеніе, и совершившихся во времена до-историческія. Иначе, какъ согласить достовѣрное письменное свидѣтельство о томъ, что чудскій князекъ Ровда съ товарищами поступился, какъ собственникъ, на основаніи формальнаго юридическаго акта, цѣлою Вагою и на Вагѣ же (Вельскѣ) встрѣчается преданіе объ истребленіи туземцевъ. Теперь спрашивается: какъ совершилось это обрусѣніе и въ какой мѣрѣ славянскіе поселенцы и туземцы удержали свою народность? То есть, какія природенныя примѣты удержали чудь и что отъ нея позаимствовали новгородцы? Такое смѣшеніе, такія обоюдныя позаимствованія естественно предполагаются при перетасовкѣ двухъ народностей. Однако-жь на самомъ дѣлѣ мы того не видимъ. Напротивъ, всматриваясь въ паружность, изучая языкъ, вѣрованія, нравы, обычаи и т. д. нынѣ русскаго населенія Вологодской губерніи, мы не видимъ здѣсь ничего чудскаго.

Обыкновенно, главною этнографическою примѣтою данной народности считается языкъ. Но русское нарѣчіе Вологодской губерніи, хотя въ разныхъ мѣстностяхъ и имѣетъ особыя оттѣпки, не носитъ никакихъ признаковъ финскаго вліянія. Въ то время, когда большая часть названій рѣкъ, многихъ селеній и разныхъ другихъ урочищъ имѣютъ чисто чудскіе корни, въ лексиконѣ вологодскаго нарѣчія едва ли найдется полдесятка словъ, къ которымъ можно, притомъ съ натяжками, подвести корни зырянскаго языка. Я не говорю уже о складѣ рѣчи: здѣсь не можетъ быть и слова о позаимствованіяхъ, такъ какъ свойства языковъ русскаго и зырянскаго, въ этомъ случаѣ, расходятся, какъ огонь и вода. Замѣчательно, что въ нарѣчій русскаго населенія Вологодской губерніи не встрѣчается финизмовъ даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя принадлежатъ къ раздѣльной этнографической границиѣ двухъ народностей. Такъ.

напримѣръ, говоръ жителей города Яренска и окрестныхъ селеній едва ли не самый чистый въ губерніи. между тѣмъ этотъ городъ отъ Межого, перваго зырянскаго или скорѣе полузырянскаго селенія на почтовой дорогѣ къ г. Устьсысольску отдѣляется лишь 20-верстнымъ волокомъ. То же явленіе встрѣчаемъ мы и въ другихъ пунктахъ соприкосновенія двухъ племенъ, какъ на пр., на границѣ Устюжскаго и Устьсысольскаго уѣздовъ по прямой торговой дорогѣ между этими городами; въ Кажимскомъ заводѣ на торговомъ трактѣ, соединяющемъ Устьсысольскъ съ Слободскимъ и Вяткою, несмотря на то, что до прекращенія заводскихъ дѣйствій въ Кажимѣ проживало множество зырянъ. Въ Яренскѣ вовсе не говорятъ и не знаютъ по-зырянски, кромѣ не многихъ кухарокъ и т. п. изъ природныхъ зырянъ, и только въ русскомъ говорѣ этихъ послѣднихъ встрѣчаются зырянизмы: отъ нихъ вы услышите «грѣкъ» вмѣсто грѣхъ. «Пилипъ» вмѣсто Филипъ—это потому, что въ зырянскомъ языкѣ пѣть звуковъ х п ѳ.

Не менѣе замѣчательно то, что вологодское нарѣчіе представляется какъ бы центральнымъ русскимъ нарѣчіемъ: оно болѣе чѣмъ московское *), малорусское и бѣлорусское, приближается къ языку Нестора и всѣхъ памятниковъ въ нашей древней письменности. гдѣ бы послѣдніе не были писаны, т. е. на Воыни ли, въ Кіевѣ ли, въ Смоленскѣ ли и Полоцкѣ, въ Москвѣ или, наконецъ, въ Новгородѣ, и къ какой бы эпохѣ не относились, за исключеніемъ, разумѣется, новѣйшей; оно имѣетъ болѣе общихъ признаковъ съ каждымъ изъ названныхъ нарѣчій. нежели всѣ они, одно съ другимъ, за исключеніемъ, можетъ быть нарѣчій малорусскаго и бѣлорусскаго. По этому тщательное изученіе вологодскаго нарѣчія важно и для историка и для филолога.

Еслибы списокъ сохранившихся въ Вологодскомъ нарѣчій древнихъ выраженій былъ подъ рукою у нашихъ историковъ, то сколько было бы сбережено времени, потраченнаго на праздна и болѣе нежели бесполезныя объясненія того или другаго историческаго обстоятельства! Въ настоящемъ бѣгломъ очеркѣ я не могу говорить подробно о всѣхъ остаткахъ древности въ Вологодскомъ нарѣчій: этотъ предметъ по богатству своему можетъ дать матеріалъ для обширной самостоятельной статьи. почему я и ограничиваюсь пока указаніемъ лишь нѣсколькихъ словъ. кромѣ вышеприведеннаго «огнище».

Гонтъ, выгонтъ, изгонтъ. гойный и т. д. Гонтъ (въ Никольскомъ уѣздѣ) **) значить чистить, выметать нечистоты: отсюда «изгой» въ

*) Подъ именемъ московскаго нарѣчія я разумѣю говоръ населенія центральныхъ губерній. Точно также и подъ словомъ «вологодское нарѣчіе» слѣдуетъ разумѣть говоръ всего сѣвера Россіи, и если я употребляю названіе это, то потому только, что, составляя очерки, основываюсь на данныхъ, взятыхъ изъ одной Вологодской губерніи.

**) Какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ своихъ очерковъ я буду вы-

смыслъ выкинутой изъ избы нечистоты. Карамзинъ вовсе не зналъ значенія этого слова: онъ (И. Г. Р. Т. II, прим. 67) думалъ, что изгоями назывались жители области, пограничной съ Ливоніею. Потомъ, уставъ великаго князя Всеволода далъ возможность вѣрнѣе понять этотъ древній терминъ и именно въ нашемъ смыслѣ, т. е., въ смыслѣ человѣка, изверженнаго изъ прежняго состоянія: неграмотный поповичъ, обанкротившійся купецъ, освободившійся холопъ, князь, не имѣющій стола (Исслѣд. и пр. Погодина, Т. III стр. 408). Но это опредѣленіе случайное; мы же теперь имѣемъ о словѣ «изгой» болѣе существенное понятіе основанное на филологическомъ его толкованіи. Г. Костомаровъ, усиливавшійся привести варяговъ въ Новгородъ изъ Литвы, въ числѣ основаній для такого мнѣнія указывалъ на существующее въ литовскомъ языкѣ слово «goiu» (гою), какъ корень слова «изгой». Но вотъ мы находимъ этотъ самый корень вдали отъ береговъ Иѣменя на берегахъ Юга и, конечно, не подумаемъ, что оно занесено сюда изъ Литвы: такая случайность объясняется тѣмъ, что въ древности родственные языки славянскій и литовскій были ближе другъ къ другу, чѣмъ теперь.

Уключина. Это слово извѣстно было Карамзину въ истинномъ его смыслѣ: «уключиною на лодкѣ называется столбикъ съ петлею или два столбика, между коими ходитъ весело» (И. Г. Р. Т. I, прим. 310), слѣдовательно ключъ есть весло. Чего бы кажется яснѣе? Между тѣмъ историки наши, а въ томъ числѣ и самъ Карамзинъ, пытаясь опредѣлить количество дани, взятой Олегомъ съ грековъ (по 12 гривенъ на ключъ), не обратили должнаго вниманія на слово «уключина», и потому пришли къ ложнымъ выводамъ. Карамзинъ принимаетъ выраженіе «на ключъ» въ смыслѣ «на человѣка», основываясь на противорѣчащемъ тексту договора лѣтописномъ извѣстіи, и говоритъ: «можно думать, что каждый славянинъ, запирая драгоцѣннѣйшую собственность, обыкновенно ходилъ съ ключомъ, привязаннымъ къ поясу (что дѣлаютъ и нынѣ русскіе крестьяне и простолюдины) и отъ того стали говорить—на ключъ, вмѣсто—на человѣка». Объясненіе болѣе нежели странное! Понятно, что теперь крестьянинъ носитъ ключъ отъ хозяйственныхъ помѣщеній на поясѣ, но лишь тогда, когда онъ находится вблизи своего дома; когда же пускается въ дальній путь, естественно, передаетъ его другому лицу. Съ какой стати вои Олеговы оставили дома свои, рискуя не возвратиться, и взяли съ собою ключи? Потомъ можно, напримѣръ, сказать «на щитъ» вмѣсто на воина, такъ какъ щитъ составлялъ существенную принадлежность воина; но ключъ?... Мысль Карамзина имѣетъ за собою единственно серьезное основаніе—это лѣтописное извѣстіе о

ставлять мѣстности, гдѣ мною встрѣчено то или другое слово, тотъ или другой обычай и т. д.; но изъ этого не слѣдуетъ заключать, что данное выраженіе существуетъ только въ этихъ частяхъ губерній.

взятія 12 гривенъ на человѣка. Но профессоръ Соловьевъ доказываетъ, что такое извѣстіе есть позднѣйшая вставка въ лѣтопись (И. Р., Т. 1, примѣч. 181), и самъ впадаетъ въ противоположную крайность, принимая «ключъ» за цѣлую лодку. Онъ справедливо считаетъ маловѣроятнымъ взятіе на cadaго человѣка, живаго и убитаго, по 12 гривенъ—сумма для того времени весьма значительная; но придаваемое имъ слову «ключъ» значеніе багра столь же и по тѣмъ же причинамъ, какъ и карамзинское объясненіе этого слова, положительно не вѣрно: багоръ ни въ какомъ случаѣ не составляетъ необходимой принадлежности лодки, особенно морской и поэтому не могъ служить мѣриломъ для опредѣленія числа ратниковъ, на которыхъ налагалась дань. Правда, г. Соловьевъ находитъ въ житіи Бориса и Глѣба мѣсто, гдѣ сказано: «имше корабль ключи и привлекоша къ себѣ». Но почему же здѣсь подъ словомъ ключъ нашъ историкъ разумѣетъ непременно багоръ? Что общаго между багромъ и ключомъ? Почему не думать, что въ приведенномъ мѣстѣ слово ключъ значить весло? По крайней мѣрѣ я, при многочисленныхъ поѣздкахъ по рѣкамъ Вологдѣ и Сухонѣ изъ Вологды въ Тотму и Устюгъ и обратно не десять, а можетъ быть цѣлыя сотни разъ видалъ, какъ лодки, когда нужно, сбѣпляются за весла. Такъ и должно было случиться въ данномъ случаѣ: князь Глѣбъ убить безъ борьбы, которая неминуемо должна бы была имѣть мѣсто, если бы убійцы не прицѣпились къ его лодкѣ въ качествѣ своихъ, знакомыхъ людей, имѣвшихъ, быть можетъ, и въ малѣ дружинѣ Глѣбовой соумышленниковъ. Иначе, т. е. въ случаѣ открытаго нападенія на лодку Глѣба, abordажъ съ помощью багровъ вызвалъ бы схватку, о которой нигдѣ не упоминается. Наконецъ, когда 12 гривенъ на человѣка профессоръ Соловьевъ считаетъ слишкомъ большимъ вознагражденіемъ на cadaго человѣка, то на цѣлую лодку это было бы слишкомъ мало. Если въ лодкѣ, какъ полагаетъ Карамзинъ, было 40 человѣкъ, то на cadaго получится менѣе $\frac{1}{3}$ гривны—слишкомъ ничтожное вознагражденіе за счастливый походъ, сопряженный съ такими трудностями и значительными расходами на снаряженіе. Если же мы примемъ ключъ за весло, то крайности мирятся. Сколько могло быть веселъ на лодкѣ? Объ этомъ мы можемъ судить, конечно, приблизительно по числу находившихся на каждомъ суднѣ воиновъ. Предположивъ, что изъ числа ихъ начальствующіе сами не работали веслами и что остальные раздѣлялись на 3 смѣны, изъ коихъ одна гребла, другая занималась болѣе легкими работами, напр. исправленіемъ поврежденій, приготовленіемъ пищи и т. п., а третья отдыхала, мы получимъ на каждой лодкѣ 12 веселъ и слѣдовательно на cadaго изъ 40 человѣкъ экипажа около 3 гривенъ—цифра вѣроятная. Она будетъ еще вѣроятнѣе, если примемъ во вниманіе то соображеніе, что на лодкахъ, строившихся, какъ извѣстно, на верховьяхъ Днѣпра и сплававшихся оттуда до Кіева и

дальше, не всегда могло поместиться 40 человекъ, какъ сказано выше; ибо онѣ въ то старое время строились, копечно, не по мѣркѣ, какъ теперь. Такимъ образомъ ладья не могла служить масштабомъ для опредѣленія численности ратниковъ. Тѣмъ менѣе могло служить такимъ масштабомъ произвольное показаніе жаднаго Олега о числѣ людей, въ особенности въ то время, когда дань была взята и на оставшихся въ живыхъ и на умершихъ на походѣ ратниковъ и для родни послѣднихъ. Но если мы примемъ за масштабъ для опредѣленія числа лицъ, имѣвшихъ право на долю въ дани, ключъ, въ смыслѣ весла или, точнѣе, нынѣшней уключины, то всѣ недоразумѣнія сами собою устраняются, такъ какъ по числу уключинъ можно опредѣлить вмѣстимость каждой ладьи, отдѣльно взятой, и затѣмъ общее число отправившихся въ походъ ратниковъ.

Тысяцкій—*вовода* начало поговорки, конецъ которой я не привожу, такъ какъ онѣ неудобны для печати и при томъ не имѣютъ историческаго значенія, ясно обозначаетъ предводителей древнихъ *воевъ*, т. е. земскаго ополченія въ противоположность княжеской дружинѣ, что, впрочемъ, уже объяснено профессоромъ Соловьевымъ.

Намъ еще будутъ представляться случаи дѣлать указанія на пѣкоторыя слова вологодскаго нарѣчія, имѣющія историческое значеніе; поэтому ограничимся пока приведенными.

Обратимся къ другому вопросу, не лишенному историко-филологическаго интереса: почему вологодское нарѣчіе въ семьѣ прочихъ славяно-русскихъ представляется центральнымъ, имѣя почти съ каждымъ изъ нихъ болѣе общихъ признаковъ, нежели всѣ они между собою, будучи отдѣльно взяты? Кроме того, почему оно часто имѣетъ поразительно сходныя черты съ славянскими языками, даже не принадлежащими къ русской семьѣ?—Понятно, почему оно успѣло сохранить, преимущественно предъ другими, слѣды славяно-русской древности: славянское населеніе пришло сюда черезъ Новгородъ со стороны Днѣпра и утвердилось здѣсь, не подвергаясь никакимъ постороннимъ вліяніямъ, такъ какъ во-первыхъ изъ вышесказаннаго видно, что русскій языкъ ничего не позаимствовалъ, да и не могъ позаимствовать изъ финскаго, а во-вторыхъ другія нарѣчія должны были утратить многіе слѣды древности подъ дѣйствіемъ совершавшихся въ центральной и югозападной Россіи историческихъ событій, которыя не отражались на бытѣ населенія дальняго сѣвера. Понятно, почему вологодское нарѣчіе имѣетъ болѣе сродства съ малорусскимъ, нежели московское; напр. въ произношеніи «в» вмѣсто «л», «и» тамъ гдѣ пишется «ѣ», въ окончаніи неокончательнаго падеженія на «и» вмѣсто «ь», «що» вмѣсто «что» (г. Устюгъ Великій съ уѣздомъ) и т. д.:—радимичи и вятичи, занявшіе нынѣшнія центральныя губерніи Россіи были поляки (И. Г. Р. Соловьева, Т. I начало гл. III). Но странно, во-первыхъ, то, почему нарѣчіе населенія

Вологодской губерніи, если оно вышло изъ Малой Руси, болѣе сходно съ языкомъ памятниковъ древней письменности, нежели нынѣшнее малорусское; во-вторыхъ, почему оно гораздо ближе къ нарѣчію московскому, нежели къ малорусскому и отъ перваго главнымъ образомъ отличается тѣмъ, чѣмъ сходствуетъ съ послѣднимъ? Замѣчательна мысль Карамзина, отчасти касающаяся нашего вопроса. Разсуждая (И. Г. Р. Т. I гл. X «Успѣхи разума») о томъ, когда и гдѣ переведена наша библія, т. е. при Владимірѣ ли великомъ или Кирилломъ и Меоодіемъ, онъ пишетъ: «второе (мнѣніе) гораздо вѣроятнѣе; ибо Несторъ, почти современникъ Владиміровъ, ко славі отечества не умолчалъ бы о новомъ російскомъ переводѣ ея; по сказавъ: *симъ бо первая приложена книга въ Моравы, яже прозвася грамота словенская, еже грамота есть въ Руси*, онъ ясно даетъ знать, что російскіе христіане пользовались трудомъ Кирилла и Меоодія. Сии два брата и помощники ихъ основали правила книжнаго языка славянскаго на греческой грамматикѣ, обогатили его новыми выраженіями и словами, держась нарѣчія своей родины т. е. илирическаго или сербскаго, въ коемъ и теперь видимъ сходство съ нашимъ церковнымъ. Впрочемъ, всё тогдашнія нарѣчія долженствовали менѣе нынѣшняго разниться между собою, будучи гораздо ближе къ своему общему источнику, и предки наши тѣмъ удобнѣе могли присвоить себѣ моравскую библію. Слогъ ея сдѣлался образомъ для новѣйшихъ книгъ христіанскихъ, и самъ Несторъ подражалъ ему; но русское особенное нарѣчіе сохранилось въ употребленіи, и съ того времени мы имѣли два языка: книжный и народный. Такимъ образомъ изъясняется разность въ языкѣ славянскаго библіи и Русской правды, Несторовой лѣтописи и Слова о полку Игоревѣ». Какъ ни много правды высказано здѣсь Карамзинымъ, но, несмотря на то, догадка эта не разрѣшаетъ нашего педоумѣнія относительно того, почему нынѣшнія вологодское и малорусское нарѣчія такъ далеко разошлись между собою, что первое стало гораздо ближе къ московскому? Объяснить такое явленіе посторонними вліяніями при дальнѣйшемъ развитіи двухъ нарѣчій нельзя. Такія вліянія не могли такъ рѣзко раздѣлить ихъ. Гораздо болѣе поможетъ намъ въ этомъ случаѣ предположеніе нѣкоторыхъ ученыхъ, что славянское населеніе Россіи состоитъ изъ двухъ слоевъ, пришедшихъ въ разное время и, можетъ быть, изъ разныхъ мѣстъ. Подтверженіе такого мнѣнія мы находимъ даже у Нестора, который, дѣлая этнографическое обозрѣніе Россіи, настойчиво считаетъ славянъ повгородскихъ славянами по преимуществу. Такимъ образомъ, можетъ быть, что славяне повгородскіе и кривичи были древнѣйшими насельниками русской земли; а поляне, древляне и другіе юго-западные славяне слѣдовали за ними. Прибавимъ вмѣстѣ съ г. Соловьевымъ еще третій слой—вятичей и радимичей позднѣйшихъ насельниковъ польскаго происхожденія. Но во всякомъ случаѣ это пока гипотеза.—Тѣмъ не менѣе собирательныя свойства вологодскаго нарѣчія въ ряду

другихъ русскихъ парѣчій есть фактъ, не подлежащій сомнѣнью. Въ настоящемъ общемъ очеркѣ не умѣстно вдаваться въ филологическія подробности для оправданія такого убѣжденія, тѣмъ болѣе, что эти подробности могутъ дать содержаніе для особой статьи. Теперь ограничусь однимъ фактомъ—это фамильныя формы, встрѣчающіяся въ разныхъ частяхъ Вологодской губерніи. Господствующая форма, какъ и вездѣ въ Великой Россіи, на «овъ», «евъ» и «инъ», смотри по корню слова; но эта форма, такъ-сказать, казенная, какъ извѣстно, приказнаго происхожденія. Значительно распространены также фамиліи на «скій». Эти послѣднія не одного происхожденія. Большая часть ихъ принадлежитъ лицамъ духовнаго происхожденія и взяты или отъ названій приходскихъ церквей, какъ, напримѣръ, Успенскій, Воскресенскій и т. п., или иноязычныя, какъ, напр., Беневоленскій, Гиммельбродскій и т. п. Въ старинныхъ городахъ Устюгъ, Сольвычегодскъ и Яренскъ фамиліи на «скій» встрѣчаются весьма часто въ видѣ дальнѣйшаго развитія формы на «овъ», «евъ» и «инъ». Какъ эта послѣдняя форма произошла отъ прозвищъ: сынъ таракана сталъ Таракановымъ, такъ и форма на «скій» идетъ отъ Тараканова: сынъ Тараканова становится Таракановскій. Затѣмъ отъ «Таракановскій» идетъ форма на «скихъ»—Таракановскихъ. Впрочемъ, эта послѣдняя форма, хотя и рѣдко, прямо идетъ отъ прозвищъ, какъ, напр., Красныхъ, Первыхъ и т. п. Кромѣ того, форма на «скій» встрѣчается иногда не какъ производная, а въ первообразномъ видѣ, какъ, напримѣръ, «Черноберезскій». Рядомъ съ этими формами встрѣчаются, хотя и неофициально, и нѣкоторыя другія. Есть крестьяне, которые не знаютъ своихъ казенныхъ фамилій, какъ они значатся въ ревизскихъ сказкахъ, фамилій, вѣроятно, придуманныхъ начальствомъ, «по писаному», какъ говорятъ въ Вельскомъ уѣздѣ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, какъ, напримѣръ, въ Кадниковскомъ уѣздѣ, существовало крѣпостное право, помѣщичьи крестьяне думали, что они не имѣютъ права на фамиліи и титуловались по отечествамъ: Алексѣевъ, Петровъ и т. д. Но нужно же имѣть какую-нибудь примѣту для личности. Здѣсь приходягъ на помощь прозвища. Однако можетъ случиться, что кто-нибудь не получилъ прозвища, и вотъ—является Дуничъ (сынъ Авдотьи, Души), Журичъ (сынъ Журы) и т. д. Нужно замѣтить, впрочемъ, что форма на «ичъ» родилась не единственно потому, что помѣщичьи крестьяне не считали себя въ правѣ имѣть официальные фамиліи, такъ какъ она встрѣчается и тамъ, гдѣ нѣтъ помѣщичьихъ крестьянъ, какъ, напримѣръ, въ Вельскомъ уѣздѣ. Здѣсь крестьяне имѣютъ и официальные фамиліи, «писанныя» на «овъ», «евъ», «инъ» и «скій» и «не писанныя» прованія на «ичъ»: Падкичъ. Въ Никольскомъ уѣздѣ встрѣчаются, опять рядомъ съ официальными фамиліями, прованія, оканчивающіяся на «епокъ»: Чиренокъ—сынъ Чирка, Боггаренокъ и т. д., иногда принимающія чисто малорусскую форму на «енко»: Парабаненко и т. д. Итакъ, въ Вологодской губерніи мы встрѣчаемъ фамиліи и великорусскія, и бѣлорус-

скія, и малороссійскія, польскія, и, пожалуй, сербскія и болгарскія. Такое явленіе нельзя объяснить иначе, какъ допустивъ, что русское населеніе этой губерніи сохранило замѣчательную способность славянскаго словеснаго творчества. Послѣднюю мысль подкрѣпимъ еще нѣсколькими примѣрами.

Въ Вельскомъ уѣздѣ по рѣкѣ Устьѣ встрѣчается слово «скупщина». Такъ называются тамъ храмовые праздники, по случаю которыхъ варится пиво на счетъ всѣхъ прихожанъ, въ складчину, и распивается общими силами. Положимъ, что устьинская скупщина не имѣетъ политическаго значенія, но въ филологическомъ отношеніи она тождественна съ сербскою: и та и другая обозначаютъ собранія народа, хотя и для разныхъ цѣлей. Конечно, нельзя думать, что это слово случайно занесено съ береговъ Дуная на берега Устья или наоборотъ. Ясно, слѣдовательно, что и тамъ и здѣсь оно создано самобытно, при помощи одного племеннаго генія.

Любопытно также происхожденіе словъ «заглумный» и «просужій». Первое я слыхалъ въ Устюжскомъ и Никольскомъ уѣздахъ, послѣднее и въ разныхъ другихъ мѣстностяхъ. Заглумнымъ называютъ обыкновенно ребенка, въ рѣчахъ котораго замѣчается замысловатость, хотя и смѣшная для человѣка взрослаго. Смыслъ слова «просужій» трудно передать: такъ называютъ человѣка, вмѣстѣ и умнаго и нравственнаго; о человѣкѣ умномъ, но дурно себя ведущемъ говорятъ: «это — умный дуракъ». Другими словами, въ выраженіи «просужій» господствуетъ преимущественно понятіе о нравственности при большей или меньшей разсудительности. Выраженіе «шибко просужъ» обозначаетъ человѣка высоконравственнаго и вмѣстѣ высокоумнаго. Я помню разсужденія одного отставнаго солдата о Наполеонѣ первомъ: «Это былъ золотая умница, сказалъ онъ, только не просужъ». Но для насъ оба эти слова важны не по логическому смыслу ихъ, а потому что въ нихъ выражается способность населенія Вологодской губерніи къ самобытному славянскому словесному творчеству.

Перейдемъ къ характеристикѣ обычаевъ населенія Вологодской губерніи.

Здѣсь мы встрѣчаемъ менѣе знаменательныя для этнографа явленія, а иногда и болѣе интересныя, нежели тѣ, которыя встрѣтили, дѣлая обзоръ нарѣчій. Мы видѣли, что по языку два племени: славянское и финское раздѣляются рѣзкою граничною чертою, что славянское племя не сдѣлало ни малѣйшей уступки финскому, поглотивъ его. Хотя нынѣшніе зыряне и приняли въ свой языкъ множество русскихъ словъ, но это только механическая примѣсь, такъ какъ новыя слова выражаютъ никогда не существовавшія у туземцевъ и позаимствованныя у русскихъ понятія. Смѣшно читать разныя правительственныя пакиданія для зырянъ, напечатанныя яко бы на зырянскомъ языкѣ, — пакиданія, которыя были бы для зырянъ понятныѣ, еслибы они были, безъ затѣй, написаны чисто по-русски: «Старостайся», Волостнойяся правлешяся. «Гусьяся»,

«Окружной—язь» и т. д., т. е. старосты, волостные правления, воры, окружные и т. д. Слово «гусь» отъ русскаго слова «гусь», въ смыслѣ пройдохи, вводитъ въ зырянскій лексиконъ неизвѣстное прежде этому народу понятіе о воровствѣ. Нельзя того же сказать объ обычаяхъ и вѣрованіяхъ зырянъ: они уже усвоили себѣ вполне славянорусское міросозерцаніе, хотя и не говорятъ по-русски. Такимъ образомъ, если иногда можно по настоящему судить о прошедшемъ, то мы выскажемъ пока а priori мысль, что чудское населеніе Вологодской губерніи прежде всего усвоило себѣ славянское міросозерцаніе, вѣрованія, обычаи и т. д. и въ заключеніе славянскій языкъ. У нынѣшнихъ зырянъ съ огнемъ не найдешь слѣдовъ древнихъ обычаевъ (мое соч. «Зыряне и Зырянскій край»). Еще менѣе встрѣтимъ мы такихъ слѣдовъ въ бытѣ населенія русскихъ уѣздовъ нашей губерніи. Этотъ бытъ, т. е. вѣрованія, обычаи, образъ жизни и т. д., во всей совокупности своей, представляетъ явленіе, если не болѣе, то никакъ не менѣе рѣзкое, нежели нарѣчіе. Особенно замѣчательны свадебные обряды и пѣсни, какъ по своей поэтичности, такъ и по древности происхожденія. Извѣстно, что русскіе свадебныя пѣсни и обряды имѣютъ тѣсную, органическую связь: пѣсня безъ соотвѣтствующаго ей обряда теряетъ свой истинный смыслъ; точно также и обрядъ безъ объясняющей его пѣсни не понятенъ. Поэтому только совокупность пѣсенъ и обрядовъ, составляющихъ свадебную процедуру, составляетъ стройное, осмысленное цѣлое—драму, въ которой пѣсни замѣняютъ монологи. Русская свадьба есть русская опера. Итакъ, чтобы дать понятіе о достоинствахъ свадебныхъ пѣсенъ Вологодской губерніи, я передамъ въ сжатомъ видѣ весь ходъ свадьбы въ Янгосарской волости Вологодскаго уѣзда.

Послѣ сватовства, стоговоровъ и другихъ приготовленій къ свадьбѣ, которыя не представляютъ ничего особеннаго, бываютъ сидины (сѣдины). Въ день сидинъ женихъ съ роднею, если они не односельцы съ невестой, пріѣзжаютъ, но останавливаются не у нея, а у кого-нибудь изъ сосѣдей, и къ будущему тестю сначала отправляется только свать для окончательныхъ переговоровъ о приданомъ. По окончаніи этихъ переговоровъ, отецъ невесты приглашаетъ къ себѣ всѣхъ пріѣхавшихъ, тѣ являются, и тотчасъ же родители брачующихся ударяютъ по рукамъ (*рукобיתье*). Въ эту минуту невеста съ подружками причитають:

«Что не ключики брякнули,
 Не замочки щелкнули—
 По рукамъ у насъ ударили!
 Что меня родимый батюшко
 Запоручилъ молодешеньку;
 Что закрыла родна матушка
 Половину свѣта бѣлаго
 Тонкимъ бѣлымъ полотечкомъ!»

Послѣ причета невѣсту выводятъ къ жениху и благословляютъ сперва образомъ (*образованіе*), а потомъ хлѣбомъ-солью. Затѣмъ сажаютъ пріѣзжихъ за столъ и угощаютъ. По окончаніи стола, мать жениха срываетъ съ головы невѣсты повязку и покрываетъ ее платкомъ. Съ тѣхъ поръ невѣста остается покрытою до «княжаго стола».

Наканунѣ свадьбы въ домѣ невѣсты бываютъ *платуши* (дѣвичникъ). Сюда собираются подружки послѣдней и поютъ пѣсни, начиная слѣдующею:

«Расшаталася грушенька,
Передъ яблонцой стоючи,—
Порасплакалась дѣвица
Передъ батюшкой, передъ матушкой:
Государь ты мой, родной батюшко!
Государыня моя матушка!
Вамъ нельзя эго сдѣлать—
Мою свадьбу отложить?
Ужь ты, дитятко милое,
Наша дочка любезная!
У насъ дѣло ужь сдѣлано:
По рукамъ мы ударили
И дарами задарили всѣхъ;
Не безчести насъ на старости,
Не порочь нашихъ сѣдыхъ волосъ,
Чтобы люди не смѣялися,
Старики не удивлялися:
Моль-де слова не могли сдержать,
Отказали, не раздумавшись:
Чтобы ты, наша красавица,
Не досталась мужу—ворогу,
Свекру злому и брюзгливому
И свекрови людоедицѣ!»

Послѣ этой и другихъ пѣсень подружекъ невѣста, какъ бы очнувшись, причитаетъ:

Ужь зачѣмъ я засидѣлася,
На кого я заглядѣлася,
И кого я здѣсь заслушалась?
Я заслушалась, младшенька,
У подруженекъ своихъ нѣсенокъ,
У сосѣдушекъ своихъ басенокъ.
Всѣ сидятъ онѣ по прежнему,
Говорятъ рѣчи по старому;
Только я одна—не какъ прежде—
Говорю, да забываюся.
Вплню, лавить меня лумушка—

Дума горькая, тяжелая!
 Растрепало косу русую
 Горе злое—печаль лютая!
 Вы скажите миѣ, подруженьки,
 Отчего все это сдѣлалось?
 Неужели родный батюшко
 Не желаетъ счастья дочери?
 Аль моя родная матушка
 Рада что-ли горю дитятка?
 Отдають меня родимые
 За неровню, за постылаго...
 Какъ подумаю—отъ думушки
 Обольется сердце кровью вдругъ:
 Какъ миѣ будетъ привыкать молодой
 Жить съ чужими—незнакомыми,
 Со чужимъ отцомъ и съ матерью!
 И посмотришь—имъ не нравится,
 На полъ ступишь—не какъ слѣдуетъ...
 Золотая моя волюшка
 Улетѣла въ лѣсъ и скрылася!
 Миѣ въ удѣлъ досталась долюшка—
 Доля злая, завидная!

Послѣ этого причета подружки отправляются по деревнѣ звать сосѣдей въ баню такимъ образомъ:

Есть ли въ теремѣ дядюшка?
 Въ высокомъ—есть ли тетушка?
 Вы пожалуйста, милые,
 Мыться въ баню—теплу парую!

Сосѣди благодарятъ подружекъ подачею хлѣба или деньгами; но, получивъ подарокъ, подружки голосятъ:

Не прогибвайтесь, родимые:
 Не про васъ баня истоплена,—
 Только честь одна приложена!

Обойдя деревню, подружки возвращаются къ невѣстѣ и ведутъ ее въ баню.

Иди въ баню, невѣста причитаешь:

Ты свѣти, младъ свѣтелъ мѣсяць,
 Съ вечера да до полуночи.
 Съ полуночи до бѣлаго дня.
 Чтобы миѣ не обступитися
 Во кошево во коньтечко:

Не сринить бы дѣвью красоту:
 Ужь и то на русской косѣ
 Чуть-чуть она держиться...
 Оборотся—не узнаешь какъ!

Утромъ, въ день свадьбы, невѣста и встаетъ, и умывается, и молитъ съ причетами.

Вставая. она причитаетъ:

Ужь я встану, молодешенька,
 На свои на ноги рѣзвыя,
 Посмотрю—мои подруженьки
 Всѣ умылись, причесалися.
 Только мнѣ одной не надобно
 Ни воды, ни полотенечка:
 Я умоюсь, бѣдна-горькая,
 Во тоскѣ слезами горькими,
 Я утру не полотенечкомъ,
 А руками лицо бѣлое.
 Мнѣ не надо дорогихъ румянъ:
 Горе злое нарумянило!
 Мнѣ не надо дорогихъ бѣлилъ:
 Отъ горючихъ слезъ бѣло!

Молясь, она причитаетъ.

Ужь я первый поклонъ положу
 За царя благовѣрнаго;
 Я второй поклонъ положу
 За царицу благовѣрную;
 Я третій поклонъ положу
 За себя молодешеньку:
 Чтобы Спасъ меня помиловалъ
 На чужой дальней сторонущкѣ!

Одѣваясь, она причитаетъ:

Посмотри, родимый батюшка,
 Посмотри, родная матушка,
 Какъ бѣло я набѣлилася,
 Какъ румяно нарумянилася!

Наконецъ, когда въ избѣ раздается: «ѣдутъ» невѣста причитаетъ:

Ужь ты, мой родимый батюшка,
 Ты зачѣмъ же молодешеньку
 Отдаешь въ дальню сторонущку,
 Ко чужому, незнакомому.

Ко чужимъ отцу и матери?
 Видно, я то вамъ, родители,
 Надоѣла, напирискучила!
 Видно, я у васъ, родители,
 Пять сусѣковъ хлѣба выѣла!
 Видно, я у васъ, родители,
 Весь колодець воды выпила!

Тутъ является дружка съ гостинцами отъ жениха и править *челобитье*, говоря:

«Господи Иисусе Христе! Князь молодой остался въ чистомъ полѣ, на широкомъ раздолѣѣ, на зеленомъ лугу, на шелковой травѣ, подъ краснымъ солнышкомъ, подъ свѣтлымъ мѣсяцемъ; меня послалъ скорымъ посломъ; я летѣлъ яснымъ соколомъ. Князь молодой приказалъ кланяться, не велѣлъ чваниться».

Словами дружки «князь молодой не велѣлъ чваниться» кончается драма, кончается бытовая поэзія свадьбы; остаются не имѣющіе этнографическаго значенія обрядъ вѣнчанія и свадебный пиръ.

Мнѣ нѣтъ надобности распространяться о поэтическихъ достоинствахъ приведенныхъ пѣсень и причетовъ: товаръ на лицо. Не могу не замѣтить только, что онъ показанъ читателю не съ лучшаго конца, такъ какъ мнѣ кажется, что лицо, записавшее эти произведенія *) народной поэзіи, чтобы придать болѣе правильности стихотворнымъ размѣрамъ, позволило себѣ переставлять иныя слова и вводить въ текстъ постороннія частицы. Хотя отъ этого не искажился смыслъ пѣсень, но онѣ утратили часть своей натуральной свѣжести, тѣмъ болѣе, что записаны безъ соблюденія мѣстнаго выговора. Замѣчу еще, что я взялъ янгосарскую свадьбу не потому, что пѣсни и причеты ея въ поэтическомъ отношеніи считаю лучшими другихъ, а потому, что она дала мнѣ возможность рядомъ съ пѣснями привести соответствующіе имъ обряды. Напротивъ, я могу указать на пѣсни, лучшія какъ въ поэтическомъ отношеніи, такъ и по изобразительности древне-славянскаго быта. Таковы пѣсни, записанныя мною въ окрестностяхъ города Никольска и напечатанныя покойнымъ учителемъ вологодской гимназіи, Н. И. Иваницкимъ, въ «Москвитинѣ» 1841 или 1842 г. Редакція этого журнала назвала ихъ «драгоценными перлами русской народной поэзіи». Для образца я приведу единственный сохранившійся у меня въ памяти отрывокъ:

Что не рицьки, не рицюшки
 Въ одно мѣсто сбѣгалися,
 Не рѣки глубоки
 Въ одно мѣсто стекалися—
 (обирався родъ—племяцько

*) Г. Четверухинъ. «Вологод. Губ. Вѣд». 1860 года.

У родимова батюшки,
У родимые матушки...

Но возвратимся къ ягосарскимъ пѣснямъ. Мнѣ кажется, что онѣ первоначально импровизированы были въ глубокой древности и, вѣроятно, на югѣ Россіи. Первое предположеніе оправдывается вѣсьмъ содержаніемъ пѣсенъ, напоминающимъ родовой бытъ, хотя и не столь изобразительно, какъ някольскія пѣсни; кромѣ того, баня передъ вѣнчаньемъ напоминаетъ языческое *плесканіе*, которое совершалось всегда ночью, что увидимъ изъ несомнѣнныхъ историческихъ документовъ, и о чемъ уже теперь можемъ заключить изъ того мѣста причета невѣсты на пути въ баню, гдѣ говорится:

Ты свѣти, младъ свѣтель мѣсяць.
Съ вечера да до полуночи,
Съ полуночи до бѣлаго дни.

Ясно, что здѣсь для совершенія обряда исключается солнце—день.

Вторая же догадка, именно что ягосарскія пѣсни занесены на сѣверъ съ юга вызывается содержаніемъ первыхъ двухъ стиховъ пѣсни, которою открывается дѣвичникъ:

Расшаталася грушенька.
Передъ яблоней стоючи.

Такое выраженіе не могло родиться въ Вологодской губерніи, ибо вологодскій крестьянинъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о грушѣ. Если же такъ, то первое предположеніе, т. е. что баня въ вологодской свадьбѣ соотвѣтствуетъ древнему плесканью, получаетъ новое подкрѣпленіе. Намъ извѣстно, что Песторъ считаетъ баню исключительною принадлежностію сѣвера; мудрено ли поэтому, что здѣсь баня заняла мѣсто южнаго плесканья «у воды». Профессоръ С. М. Соловьевъ (И. Р. т. I. примѣч. 89) приводитъ слѣдующее мѣсто изъ Стоглава (вопросъ 24: «Русалии о Юаннѣ днѣ; въ навечеріе Рождества Христова и Крещенія сходятся мужи и жены и дѣвцы на пощное плещеваніе, и на безчинный говоръ, и на плясаніе, и на скаканіе, и на богомерскія дѣла, и бываетъ отрокомъ оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе, и, егда ночь мимо ходитъ, тогда отходятъ къ рѣцѣ съ великимъ кричаніемъ, аки бѣснѣи, умываются водою, и егда начнутъ заутреню звонити, тогда отходятъ въ дома своя и надають, аки мертви, отъ великаго хлопотанія». Итакъ, ясно, что плесканье происходило непременно ночью.

Г. Соловьевъ въ другомъ мѣстѣ (И. Р. т. I. примѣч. 85) говоритъ: «Мы не рѣшаемся дать предпочтеніе которому-нибудь изъ двухъ словопроизводствъ (Купалы)—отъ купанья или отъ купы, собранія парода, торжества, праздника по преимуществу; мы думаемъ, что нельзя отвергать совершенно имени Купалы въ смыслѣ божества: Купало отъ конить, кушитъ, совокуплять, въ значеніи Ярилы». Въ третьемъ мѣстѣ

опъ, ссылаясь на Снегирева, говорить, что въ губерніяхъ Ярославской, Тверской и Рязанской Купало «между чернью» называется Ярилою (И. Р. т. I, примѣч. 88). Такимъ образомъ, г. Соловьевъ болѣе склоняется къ производству слова купало отъ «купить, сокупить». Но отъ «купить» могло бы выйти не купало, а купило. Въ Никольскомъ и Устюжскомъ уѣздахъ Вологодской губерніи существуетъ слово «манило», производное отъ «манить». «*Манить*»—значитъ казаться привидѣнію; самое манило, какъ существительное, значитъ привидѣніе: «миѣ манило» (здѣсь манило есть глаголь)—значитъ миѣ показалось привидѣніе. Этотъ примѣръ свидѣтельствуетъ, что отъ купить вышло бы купило. Впрочемъ, самое слово «купило» и теперь употребляется какъ производное отъ купить, по не въ смыслѣ сокуплять, а приобрести за деньги; такъ, говорить: «нужно бы купить корову, да купила то, т. е. денегъ, нѣтъ». По всему этому миѣ кажется страннымъ, какъ г. Соловьевъ, въ виду фактовъ, сейчасъ выписанныхъ изъ его Исторіи Россіи, особенно въ виду того, что въ Ярославской, Тверской и Рязанской губерніяхъ Купало называется Ярилою — доказательство ихъ тождественности, — стѣсняется принять самое простое и правильное филологическое объясненіе слова купало. Въ разныхъ мѣстахъ Вологодской губерніи существуетъ обычай, весьма сходный съ описаннымъ въ Стоглавѣ и извѣстнымъ подъ названіемъ «солому мять». Такъ называется обыкновенная посидѣлка или играше, но окончаніи которыхъ поля избы устилается соломой и затѣмъ гасится огонь... Этотъ обычай, сколько миѣ извѣстно, существуетъ или недавно существовалъ и не въ одной Вологодской губерніи. Какъ онъ выполняется въ другихъ мѣстахъ, миѣ даже приблизительно не извѣстно. Но нельзя не обратить вниманіе на то обстоятельство, что соломомятіе въ Вологодской губерніи не сопровождается хожденіемъ къ рѣкѣ или къ водѣ, быть-можетъ потому, что на сѣверѣ во время рождественскихъ и крещенскихъ морозовъ купанье или даже обмыванье на рѣкѣ физически невозможно. Не поэтому ли и въ губерніяхъ Ярославской, Тверской и Рязанской Купало называется просто Ярилою? Здѣсь нѣтъ купанья, а сохранилась та часть обычая, мысль которой болѣе объясняется филологическимъ значеніемъ слова «Ярило» Впрочемъ, какъ бы то ни было, а ягосарская свадьба сильно напоминаетъ древность: въ пѣсняхъ и причетахъ ея только молитва невѣсты за царя благовѣрнаго и царицу благовѣрную миѣ кажется позднѣйшею вставкою. Сборъ подружками хлѣба и денегъ передъ банею, быть-можетъ, также придуманъ впоследствии.

Замѣчательно, что въ Ягосарской волости существуютъ свадьбы «самохотники». Такъ называются браки, заключаемые тайно, противъ воли родителей невѣсты.

Въ вѣрованіяхъ русскаго населенія Вологодской губерніи точно такъ же, какъ и въ языкѣ, нѣтъ слѣдовъ финскаго вліянія. Напротивъ того,

зыряне усвоили себѣ славянское міросозерцаніе и кромѣ вѣрованія въ «Орта» *), въ немногихъ мѣстахъ сохранившагося, я не могу указать ни на одно, которое не имѣло бы признаковъ древне-славянскаго происхожденія. Вся совокупность этихъ вѣрованій явно вытекаетъ изъ поклоненія свѣту и теплу въ ихъ разнообразныхъ проявленіяхъ. Даже въ языкѣ сохранились слѣды язычества: такъ, напримѣръ, слово «сварга-пить» напоминаетъ Сварога и по формѣ и по значенію; «сварганить» значитъ сварить, жарить и вообще приготовить что-нибудь на сильномъ огнѣ; по значенію ближе всего подходитъ къ этому слову общепотребительное «вскипятить». Разказы объ огненномъ змѣѣ, который высиживается изъ пѣтушинаго яйца, приноситъ хозяину своему богатства и потомъ поджигаетъ его домъ, встрѣчаются всюду; сожиганіе на масляной недѣлѣ соломы и вообще языческія празднованія во время періодическихъ перемѣнъ въ теченіи солнца также повсемѣстны. Языческое значеніе пѣтуха, какъ провозвѣстника солнца и свѣта, голоса котораго боится всякая нечистая сила, иногда выражается весьма ясно. Такъ, въ Устюжскомъ уѣздѣ пѣтуховъ не ѣдятъ, безотчетно считая это за грѣхъ. Такой фактъ можно объяснить двояко. Можно предположить, что русскіе славяне, по принятіи христіанства, отнесли пѣтуха, какъ священную птицу язычниковъ, къ числу поганыхъ и потому отказались отъ употребленія ее въ пищу; можно также думать, — и это, конечно, вѣроятнѣе, — что и по принятіи христіанства славянскіе язычники сохранили уваженіе къ пѣтуху, какъ къ священной птицѣ, и потому не ѣдятъ ее. Однако, и въ томъ и въ другомъ случаѣ, это обыкновеніе, этотъ взглядъ на пѣтуха должны идти изъ глубокой языческой древности и иначе объяснены быть не могутъ. Въ Вельскомъ уѣздѣ по рѣкѣ Устьѣ (большой правый притокъ Ваги) почитаніе пѣтуха выражается въ другой формѣ: тамъ на каждомъ домѣ на самой верхушкѣ съ лицевой стороны выставляется такъ-называемая «курица», т. е. грубое деревянное изваяніе какой-то птицы. Устьянцы не объясняютъ, для чего это они дѣлаютъ, но считаютъ «курицу» необходимою принадлежностью дома.

Я не буду болѣе распространяться о свойствахъ вѣрованій русскаго населенія Вологодской губерніи, потому что они въ существѣ тѣ же, что и въ остальной Россіи. Не могу не замѣтить только, что здѣсь есть слѣды почитанія душъ умершихъ предковъ. Въ дѣтствѣ я видѣлъ на кладбищѣ горда Никольска, къ соборному приходу котораго приписано множество окрестныхъ деревень, — не помню въ какой лѣтній праздникъ, — слѣдующій обрядъ: крестьяне явились на могилы своихъ родныхъ съ разными яствами и, конечно, выпивкой. Сначала женщины неистово ре-

*) Это что-то въ родѣ ангела-хранителя: онъ сопровождаетъ человѣка въ теченіи всей жизни и предвѣщаетъ его смерть; является онъ людямъ по ночамъ съ сильнымъ огнькомъ. Подробно въ сочиненіи моемъ «Зыряне и Зырянскій край».

вѣли по умершимъ, обливаясь слезами, причитая что-то и падая на могилы грудью, какъ будто въ страшномъ отчаяніи; потомъ, когда духовенство отпѣло панихиды, началось угощеніе. Говорятъ, что при этомъ случаѣ вырываются въ могилахъ углубленія, куда спускаютъ кусочки лакомыхъ яствъ. Впрочемъ, самъ я не видалъ этого или если и вилѣлъ, то забылъ.

Что касается до образа жизни русскаго населенія Вологодской губерніи, то онъ ничѣмъ существеннымъ почти не отличается отъ образа жизни населенія другихъ русскихъ губерній, и притомъ разность объясняется различіемъ географическихъ и, слѣдовательно, экономическихъ условий той или другой мѣстности. Даже въ предѣлахъ самой Вологодской губерніи быть народный не вездѣ одинаковъ. Такъ, *жилица* въ селеніяхъ на почтовой дорогѣ изъ Вологды въ Ярославль, по своей архитектурѣ, рѣзко отличаются отъ построекъ въ другихъ частяхъ губерніи; въ Вельскомъ уѣздѣ по рѣкѣ Вагѣ старые дома, построенные не по казенной формѣ, опять отличаются отъ построекъ другихъ уѣздовъ; въ Никольскомъ уѣздѣ встрѣчаемъ то же и т. д. Даже у зырянъ, занявшихъ архитектуру у русскихъ, дома имѣютъ значительныя особенности въ частностяхъ.

Разнообразіе пищи обусловливается уже различіемъ производительности разныхъ частей этого обширнаго края.

Одежда еще болѣе разнообразна, потому что, кромѣ климатическихъ условий, здѣсь играетъ немаловажную роль мода и часто усиліе подражать городскому костюму, особенно въ околородныхъ деревняхъ.

Излагать многочисленныя подробности быта населенія Вологодской губерніи въ настоящемъ общемъ очеркѣ я считаю неумѣстнымъ и потому ограничиваюсь вышеназванными общими замѣчаніями.

Не могу не упомянуть затѣмъ одной особенности Вологодской губерніи, заслуживающей вниманія, — это *половники*. Рашѣе, говоря о значеніи слова «огнищанинъ», я обѣщался коснуться половничества въ послѣдствіи. такъ какъ «*огневищина*» и «*половничество*» имѣютъ между собою тѣсную связь и другъ друга объясняютъ: то и другое ведетъ свою исторію изъ самой глубокой древности и изъ одного источника. О древности огнищанъ нѣтъ надобности здѣсь упоминать: о нихъ упоминается въ «Русской Правдѣ»; о половникахъ говорится въ церковномъ уставѣ Ярослава. Вѣроятно, происхожденіе тѣхъ и другихъ слѣдуетъ отнести ко вѣмени запятія новгородскими славянами озерной и сѣверной части Россіи. Замѣчательно, что въ древности огнищане и половники встрѣчаются рядомъ въ одной лишь части Россіи, именно въ новгородскихъ владѣніяхъ и, кромѣ того, въ ближайшихъ къ нимъ княжествахъ: огнищане — въ Ростовской землѣ (И. Р. Соловьева, т. I, прим 267), а половники въ Тверскихъ княжествахъ (Акт. Арх. Эксп. т. I, № 32). Исторіи половничества я посвятилъ особую монографію подъ заглавіемъ: «Половники» (Ж. М. Г. И. 1862 г.); но, составляя ее, хотя я и подозрѣвалъ связь

половничества съ огневщиною, я не высказалъ прямо своей догадки, такъ какъ въ то время мнѣ не было извѣстно существованіе слова «огнище» въ смыслѣ вновь расчищенного и выжженного для хлѣбонашества лѣсистога пространства. Точно также я не зналъ тогда, что рядомъ съ официальнымъ, признаннымъ правительствомъ половничествомъ, древній характеръ котораго значительно искаженъ позднѣйшими закоположеніями и административными мѣропріятіями, послѣдовавшими послѣ 1827 года, половничество de facto существуетъ по обычаю, именно въ Яренскомъ уѣздѣ,—половничество, не одѣтое въ униформу, подобно существующему de lege въ Устюжскомъ, Никольскомъ и отчасти Сольвычегодскомъ уѣздахъ. Положеніе 3 декабря 1827 года, цѣликомъ введенное въ Сводъ Законовъ, опредѣляя отношенія землевладѣльца къ половнику, говоритъ, что половникъ обрабатываетъ владѣльческую землю изъ половины урожая хлѣба и сѣна. Такой законъ, можетъ быть, и былъ бы справедливъ, еслибы всѣ земельные участки—«сохи», какъ говорятъ на мѣстѣ—были равнаго качества; но такъ какъ въ дѣйствительности этого не бываетъ, то точное примѣненіе къ дѣлу закона было бы всегда невыгодно то для той, то для другой стороны, и потому столь непрактичное узаконеніе почти всегда обходится при составленіи записей между землевладѣльцами и половниками, по взаимному ихъ соглашенію: то землевладѣлецъ поступаетъ какимъ-нибудь угодьемъ въ пользу половника безъ раздѣла дохода, то половникъ беретъ на себя обязанности, не имѣющія прямой связи съ земледѣліемъ, каковы, напр., доставка хозяину дровъ, вѣпиковъ и т. п. Не то видимъ мы въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ половничество существуетъ, какъ древній обычай: здѣсь терминъ «исполу» не всегда значить ровно изъ половины, и значеніе его разнообразится соотвѣтственно свойствамъ отдаваемаго половнику въ пользованіе участка и размѣру пособія со стороны хозяина земледѣльческими принадлежностями, каковы: скоть, навозъ и т. п. Вотъ что пишетъ о такихъ половникахъ г. В. Аврамовъ («Вологод. Губ. Вѣд.» 1839 г. № 40. «Жители Яренскаго уѣзда и ихъ хозяйственный бытъ».): «Есть еще здѣсь обычай отдавать въ обработываніе земли, при излишествѣ ихъ и недостаткѣ собственныхъ работниковъ, «исполу». Это значить, что кто-нибудь берется у другого удобрить и обработать извѣстное пространство земли и посѣять, сжать и измолотить вырастающій на ономъ хлѣбъ за половническую или третью часть всѣхъ произведеній, какія получаются съ этого пространства. Кромѣ пашенной земли, въ этихъ случаяхъ отдается и часть сѣнокосной. Лица, вступающія въ такія условія, называются половниками. Одни изъ такихъ половниковъ бываютъ временные, другіе—постоянные. Временнымъ половникамъ, принимающимся каждагодно, хозяинъ на обѣщаніе полей даетъ иногда сѣмяна, которыя, по окончаніи года, вычитаются изъ всего урожая въ пользу хозяина. Навозъ, имѣющійся отъ собственнаго скота, идетъ также на удобреніе отданной половнику земли; обя-

запность послѣдняго только вывозить его на поля. Доставленіе въ домъ хозяина хлѣба и сѣна также лежитъ на обязанности половника. Постоянные половники живутъ въ домахъ владѣльцевъ земель и пользуются ихъ скотомъ, но за то менѣе получаютъ выгоды отъ обработки земель. Впрочемъ, здѣсь такихъ половниковъ очень мало, и ихъ нельзя сравнить съ половниками Устюжскаго и Никольскаго уѣздовъ, вступающими въ половничество къ владѣльцамъ по контрактамъ на извѣстное число лѣтъ. Здѣсь половники—обыкновенные крестьяне, не имѣющіе въ обществахъ землевладѣнія, и поступающіе они въ половничество безъ всякихъ письменныхъ актовъ и безъ обязательствъ работать непременно извѣстное число лѣтъ».

Существенное различіе между половниками Яренскаго уѣзда и половниками другихъ уѣздовъ заключается въ томъ, что послѣдніе хотя и признаются закопомъ государственными крестьянами, но поселенными на собственныхъ всякаго званія лицъ земляхъ, тогда какъ первыхъ законъ считаетъ государственными казенными крестьянами въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. приписанными къ сельскимъ обществамъ, и не хочетъ знать, пользуются ли они или нѣтъ казенными участками, отведенными тому или другому обществу. Половники Устюжскаго, Никольскаго и Сольвычегодскаго уѣздовъ, поселяясь на владѣльческой землѣ, получаютъ въ полное свое распоряженіе построенную на счетъ хозяина избу со всѣми усадьбными принадлежностями; въ Яренскомъ же они или входятъ въ домъ хозяина, которой и самъ владѣетъ не собственною землею, а общественной, казенною, доставшеюся ему во временный надѣлъ, или живутъ въ собственной своей избѣ. Какъ бы то ни было, мы видимъ, что половники суть земледѣльцы, по той или другой причинѣ лишившіеся собственнаго землевладѣнія или владѣющіе недостаточнымъ для себя участкомъ и обрабатывающіе, изъ вознагражденія извѣстною долею урожая, чужія земли. Высказывая теперь такое мнѣніе, я основываю его на фактѣ. Ту же самую мысль не одинъ разъ я высказалъ въ монографіи своей о половникахъ, говоря о происхожденіи ихъ, по какъ догадку или какъ убѣжденіе а priori. Нынѣ связь половничества съ «огневщиною» для меня становится ясною. Какъ теперь, такъ и въ древности мелкій землевладѣлецъ и вмѣстѣ земледѣлецъ могъ по чему-нибудь лишиться или своего участка (огнища), или средствъ къ обработыванію его, и вотъ онъ вынужденъ селиться на чужой землѣ—сдѣлаться половникомъ. Итакъ, огнищанинъ и половникъ суть два состоявшія въ самой тѣсной между собою связи древнія сословія—землевладѣльцы и земледѣльцы: огнищанинъ—помѣщикъ, половникъ—крестьянинъ.

Бросивъ взглядъ на все сказанное въ настоящемъ очеркѣ, нельзя не задаться вопросомъ: какимъ образомъ заволокналъ чужь на всемъ пространствѣ Вологодской и другихъ губерній обрусьла всецѣло и, исчезая, не уронила ни одной крошки своей племенной особенности? Исторія пред-

ставляетъ много примѣровъ смѣшенія разныхъ племенъ, но подобнаго нигдѣ не встрѣчается. Не далеко идти за доказательствами. Нѣмецкое рыцарство, уже 700 лѣтъ господствующее въ маленькомъ Прибалтійскомъ краѣ, велики ли сдѣлало успѣхи въ дѣлѣ онѣмеченія финскихъ и латышскихъ туземцевъ? Между тѣмъ новгородскіе колонизаторы давнымъ-давно покончили свое дѣло почти на всемъ обширномъ сѣверѣ русской земли безъ шума и огласки. — Какъ объяснить такое явленіе? Кажется, это просто. Нѣмцы, захватывая чужія земли, вносили туда свое культуртрегерство, т. е. рабство, религіозную нетерпимость, наглые захваты чужой собственности во имя матеріальной силы и т. д., и такимъ образомъ сами провели между собою и исконными населеніями края черту, которую до сихъ поръ не въ состояніи перейти. Другого рода была задача новгородскихъ славянъ: они пришли на берега Ильменя безъ всякой мысли о порабощеніи туземцевъ, о счастливой жизни на чужой счетъ; они не возвели руками туземныхъ рабовъ каменныхъ замковъ, а собственноручно обработали годныя для хлѣбопашества земли; они и къ чудскому населенію страны не относились въ качествѣ высококомѣрныхъ культуртрегеровъ, а, напротивъ, приравнивались къ нему, на что есть много доказательствъ. Во-первыхъ, мы имѣемъ достовѣрное лѣтописное извѣстіе о томъ, что новгородцы, уже по принятіи христіанства, готовы были предаться шамацкому ученію чудскаго волхва, и, во-вторыхъ, мнѣ лично извѣстно, что еще и теперь многіе почетные устьсысольскіе купцы, которыхъ я не нахожу приличнымъ называть здѣсь по имени, считаютъ себя зырянскими и гордятся этимъ именемъ, хотя не стѣсняются показывать родословныя, доказывающія, что они прямые потомки чистокровныхъ новгородскихъ поселенцевъ въ Зырянскомъ краѣ. Въ дѣйствительности же это русскіе, полюбившіе тотъ уголокъ Россіи, гдѣ они родились и выросли, и, если называютъ себя зырянскими, то въ томъ же смыслѣ, какъ рязанецъ называетъ себя рязанцемъ, смолянинъ—смоляниномъ и т. д., т. е. для того, чтобъ отличить себя отъ русскихъ же обитателей другихъ частей нашего отечества. Тѣмъ не менѣе здѣсь лежитъ ключъ къ уразумѣнію тайны. Намъ понятно, почему заволочская чудь всецѣло превратилась въ славянъ; новгородскіе колонисты не гнушались приравниваться къ ней, а потому и чудь, въ свою очередь, не могла чуждаться славянорусской народности и охотно усвоила привычки и возрѣнія пришельцевъ, безспорно имѣвшихъ нравственныя и физическія преимущества предъ туземцами. Вотъ почему послѣдніе, принявъ языкъ, вѣрованія и права первыхъ, приравнивались къ нимъ даже по наружности: обрусѣлое населеніе Вологодской губерніи отличается теперь отъ зырянъ и большимъ ростомъ, и цвѣтомъ волосъ, и физиономіею.